

О тщете профессорской жизни

Отто Хётч и немецкая славистика

Karl Schlögel

14 March 2006

Почти семидесятилетний человек плетется весной 1945 года по развалинам Берлина. Единственное, что лежит у него в чемодане, это рукопись: он называет ее своей рукописью “А-II”. Она сохранялась у него в сейфе в течение долгого времени, когда погибло все, чем он владел и что было для него дорого: его квартира на Айнемштрассе в Тиргартене, его уникальная личная библиотека в тридцать тысяч томов. Он живет тем, что продает последние остатки своего добра, вызволенного им из-под развалин собственного дома, живет, постоянно меняя квартиры, то у своих родственников и друзей, то в больницах, куда его время от времени помещают как тяжелобольного. В июле 1945 года он пишет одному из своих коллег: “И вот я здесь, выздоравливающий в больнице, в квартире меня ‘разбомбили’, после тяжелых испытаний я как рыба без воды, ученый без книг, без телесного здоровья, и один, от всех отрезан. Но, несмотря ни на что, во мне идет работа; ‘дух стремится к познанию’, как говорит Псалмопевец” [1].

Старик не только иллюстрировал собой философский девиз “Все свое ношу с собой”, в нем наглядно воплотилась трагедия немецкого ученого и его науки. Под руинами оказалось погребено и то, чему он создал фундамент своей новаторской работой: современная славистика. Отто Хётч остался один как перст в опустошенном городе – его жена умерла за несколько дней до падения Берлина. Россия, которой он посвятил всю свою научную и политическую деятельность, теперь ворвалась в город на танках. Исполнилось его предсказание 1931 года о возможном ходе войны: “Победа большевизма в Центральной Европе” [2].

Университет, в котором Хётч проработал лучшие годы своей жизни, готовился к новому открытию – но теперь уже под руководством советской военной администрации. Его, несмотря на вынесенный ранее запрет на профессиональную деятельность, опять призвали на кафедру, чтобы подготовить ее к работе. Он принес с собой плод своего десятилетнего труда в условиях внутренней эмиграции: манускрипт “А-II”, тема которого – история Александра II и его эпохи; вопрос о публикации этого труда оставался более чем гадательным. Многие ученики и сотрудники Хётча к этому времени уничтожены нацистами или жили в изгнании. Многие другие, со?трудничавшие с нацистами как специалисты по России и по Восточной Европе, временно интернированы союзниками и сидят в спецлагерях в ожидании своей “денацификации”. “Школа Хётча”, о которой говорил великий

британский историк Э. Х. Карр, теперь существует как диаспора [3]. Берлин уже давно перестал быть Центром по изучению России, местом, где происходил “Training for Russia”, который в 20-х годах посещал молодой американский дипломат Джордж Ф. Кеннан [4]. Картина несчастья становилась полной, если учесть, что и многие советские коллеги Хэтча, например Давид Рязанов и Сергей Платонов, не пережили ужасов 30-х годов [5].

В межвоенный период все исследования, касавшиеся России и Советского Союза, были сосредоточены в Берлине. Весной 1945 года этот храм науки лежал в развалинах. Завершилась захватывающая и в то же время драматическая глава в истории науки. Что было причиной удивительного расцвета немецких исследований России, пусть и на столь короткое время? Как могла эта дисциплина утвердиться в разгар европейской конфронтации и германо-советских конфликтов? Как вообще было возможно заниматься объективной научной работой в эпоху стремительной политизации, когда любая попытка интеллектуального контакта с враждебной стороной рассматривалась как “предательство”? Славистика, как никакая другая научная дисциплина, являлась наглядным объектом уязвимости и зависимости, жертвами каковых стали ученые в эпоху двойного тоталитаризма. И в эпицентре этой драмы оказался Отто Хэтч [6].

Назад, на исходные позиции

Теперь, когда советские войска стояли в Берлине, настало время провести инвентаризацию в области изучения России. И Отто Хэтч, собрав последние силы, которые еще оставались у него до смерти 27 августа 1946 года, взялся за ревизию этого интеллектуального банкротства. На конгрессе историков 21 мая 1946 года, где шла речь о будущих задачах в области преподавательской и исследовательской работы, был зачитан доклад, подготовленный Отто Хэтчем, – сам он по состоянию здоровья не смог присутствовать. В докладе вопрос ставится не более и не менее как о “включении восточноевропейской истории во всемирную” [7]. Первоочередную задачу Отто Хэтч видит в том, чтобы “убрать большую кучу идейного мусора, скопившегося в течение бесплодного и разрушительного периода, а также преодолеть, уничтожить, выбросить принципы недомыслия, высокомерия, враждебности” [8]. При этом он имел в виду не только самый верхний слой мусора, скопившегося в мозгах в результате нацистской пропаганды – выражения типа “азиатские орды” и т.д., – а глубокую и всеобъемлющую ревизию системы координат, в рамках которой в будущем должна изучаться и излагаться европейская история. Он считал, что начиная с этого рубежа должна быть но-новому осмыслена и определена сама категория “европейская история”, а “Россия должна изучаться в соответствии с ее исторически и политически сложившейся индивидуальностью, отвечающей ее собственным внутренним законам и потребностям, ее собственной внутренней идее государственности и народности” [9]. Это звучит как явственный отказ от идеи европоцентризма и западного превосходства. Сверх того Хэтч еще и выступает в защиту исторической науки, оперирующей современными методами сравнительного и междисциплинарного исследования. Если рассматривать Восточную и Западную Европу в этой новой перспективе, то “старый спор о том, что важнее: политическая или культурная история, полностью утратит всякий смысл” [10].

Это звучит в высшей степени современно, но включение России в круг европейского исторического опыта, на котором настаивает Хётч, изначально было неотъемлемой частью его требований к изучению России в Германии. В 1946 году он формулирует свои взгляды, ставшие еще более радикальными в результате опыта катастрофы, но в принципе вовсе не новые: Хётч уже высказывал их в феврале 1913 года в своей “Памятной записке на предмет основания Немецкого Общества по изучению России”. Это выглядит так, будто Хётч после 1945 года оказался отброшен назад, к исходному пункту своей деятельности, ибо еще в 1913 году он требовал расширения и всесторонней интенсификации занятий славистикой путем создания новых научных журналов, открытия кафедр по изучению языка, истории и страноведения, научного обмена, основания обществ, объединяющих всех, кто интересуется Россией, поддержки научных проектов, влияния на прессу, составления научной библиографии и многого другого. В общем и целом его программа призывала распространять информацию, знакомиться со страной, преодолевать незнание и враждебность – и все это во взаимосвязи науки и практики [11].

Хётч родился в 1876 году. В 1913 году вышла его “История России”, в которой сформулированы эти задачи, – к тому времени он уже был известным, влиятельным ученым и политиком. Первую мировую войну и русскую революцию он пережил в сорок лет, конец Гражданской войны в России и возобновление отношений между Веймарской Германией и Советской Россией пришлось на его пятидесятилетие, захват власти нацистами произошел, когда ему было под шестьдесят, а крах нацистского режима – когда ему было под семьдесят. Это – хронология жизни человека, которому сочетание политической активности и научной деятельности, или, как он сам однажды выразился, существование в роли гражданина и ученого, удалось как никому другому; большая часть его жизни прошла в русле и в духе своего времени, но более десятилетия ему пришлось двигаться против течения. За двенадцать лет нацистской диктатуры было уничтожено все, над чем Хётч работал. Пик его признания в период, когда царил “дух Рапалло”, и его внутренняя эмиграция во времена Третьего рейха представляют собой весьма точный индикатор состояния русско-немецких связей в научной и интеллектуальной области.

Самый плодотворный период жизни ученого совпал с Веймарской республикой, которую он поддерживал как “республиканец по разуму”, но предпосылки, сделавшие возможной его карьеру, сложились гораздо раньше и коренятся в истоках Германской империи. Домашнее окружение, в котором вырос Хётч, было буржуазно-консервативным и националистическим. Он происходил из лютеранской семьи мастера-жестянщика в Лейпциге. В доме почтительно относились к Бисмарку и Трейчке, читали романы Густава Фрайтага. Лейпцигский университет, в который Хётч поступил в 1895 году, окончив гимназию св.Фомы и отслужив год в саксонской пехоте, был в то время одним из самых современных и оживленных высших учебных заведений Германии. Он имел счастье учиться у двух ведущих представителей лейпцигской школы – Карла Лампрехта и Фридриха Ратцеля; и не случайно он уже во времена своей учебы познакомился с будущим послом США в Берлине Уильямом Э. Доддом и с Михаилом Терещенко, министром иностранных дел русского Временного правительства в 1917 году [12].

Окончательный поворот интересов в сторону Восточной Европы произошел несколько позже, но уже в свой лейпцигский период Хётч интересовался Россией,

экономическим развитием царской империи при Александре II и политикой индустриализации и модернизации министра Сергея Витте. Интерес к России, заставивший его в 1904 году отправиться в первое путешествие по царской империи, не был чисто академическим. Хётч имел особый нюх на историческую динамику, на набирающий вес российский капитализм, на изголодавшееся по земле крестьянство, на угрозу, нависшую над старым режимом. В 1900 году он перебрался в Берлин, в 1906 году защитил докторскую диссертацию, и тогда же ему было предложено место в Королевской Академии в Позене (Познани). Этому учреждению, основанному всего за три года до этого, предстояло стать академическим центром на востоке Германии, его задачей было способствовать германизации и консолидации польских провинций Пруссии.

В Позене Хётч проявил себя как воинствующий националист: положение немецкой части населения было здесь весьма затруднительным, Хётч выступал за целенаправленное поселение сотен тысяч германских крестьян на польских землях – за “новое движение на Восток во внутренней немецкой истории”. На этой почве у него сформировалась особая чуткость ко всему, что касается значимости германо-российских отношений и одновременно – солидный комплекс антипольских настроений. Складывается даже впечатление, что ориентация Хётча на Россию порождена прежде всего антипатией к Польше. Прошло много лет, прежде чем он внутренне признал необходимость государственной независимости Польши, как о том свидетельствует его высказывание в 1930 году: “Не нужно быть пророком, достаточно быть немцем, чтобы с уверенностью утверждать, что в будущем всегда будет существовать Польское государство; ситуация, когда двадцатимиллионный польский народ, наделенный огромной экономической, духовной и национальной жизненной силой, поделен между тремя великими державами, никогда больше не вернется” [13].

Из Позена Хётч осваивал всю Восточную Европу, ездил в Прибалтику, в польские губернии Российской империи и в Галицию. В Королевской академии он собрал вокруг себя публику, которая была не просто интересующейся аудиторией. “В лекциях, которые читает историк, я вижу уроки гражданственности, которую зачастую с легкостью упускают из виду. А еще я вижу в этом возможность восстановить связь между исторической наукой и образованной общественностью, которая в последние десятилетия, к сожалению, была утрачена” – так писал Хётч осенью 1911 года [14]. Он неутомимо выступал везде и всюду, где речь шла о роли немцев в мире: в Немецком Союзе Восточных земель, на юбилее Трейчке, во Флотском союзе и в Колониальном обществе. Судя по всему, у него была легкая рука в “научном менеджменте”. Он основал Восточный архив, наладил контакты с заинтересованными лицами и со спонсорами из промышленных и крупных землевладельческих кругов. При этом он, живя в Позене, охватил еще и Берлин: с 1907 по 1911 год Хётч дважды в неделю читал лекции и вел занятия в семинаре Теодора Шимана, главным образом по истории Польши.

В 1913 году Хётч был приглашен в Берлинский университет, но не на кафедру Шимана, а на созданное специально для него место экстраординарного профессора – вопреки сопротивлению значительной части факультета. В 1913 году вышла его “История России”. В том же 1913 году по случаю столетнего юбилея Битвы народов под Лейпцигом при Прусском парламенте в Берлине было основано Общество по

изучению России, к созданию которого Хётч приложил немало усилий. За год до начала Первой мировой войны уже ничто не препятствовало карьере Отто Хётча как посредника и активного пропагандиста германо-российских связей.

Но обстоятельства сложились иначе. Первая мировая война прервала деятельность только что созданного Общества. Прошло более десяти лет, прежде чем реализовался проект, полностью готовый уже накануне 1914 года. В 1912 году, по завершении научной командировки, Отто Хётч с уверенностью заявлял: “Еще 25 лет мира и землеустройства – и Россия станет другой страной”. С началом войны эта перспектива оказалась отброшена. Все твердые надежды на развитие германо-российских связей теперь утратили основание [15].

Профессор-политик в берлинском обществе

По-видимому, Отто Хётч относился к редкому типу людей, у которых два противоположных и, как правило, взаимоисключающих дарования не парализуют друг друга конкуренцией и соперничеством, а в активном взаимодействии создают максимальные возможности для реализации всего самого лучшего, что заложено в личности. Он был признанным научным специалистом в своей области – и одновременно видным общественным деятелем.

Отто Хётч очень серьезно относился к своим обязанностям депутата рейхстага в период с 1919 по 1930 год, но это не мешало ему и дальше заниматься научными исследованиями России. Он был от Бога наделен способностями организатора и пропагандиста науки. Его академическая и преподавательская работа питалась тесной связью с действительностью, а политическая ангажированность обогащалась за счет восприятия истории не только в пределах ее сиюминутной актуальности. От своего научного руководителя Карла Лампрехта Хётч перенял привычку читать лекции и по проблемам актуальной политики, а также связывать темы исторических семинаров с разъяснением современного положения. Джордж Ф. Кеннан сообщает о лекциях Отто Хётча по средам, на которых собиралось до тысячи слушателей со всех семестров, и даже приходили люди, не имеющие отношения к университету.

В его деятельности академическая наука и политическая информация были по необходимости связаны друг с другом. Он был уверен, что “историк, который занимается этими вопросами так, как я, стремясь как можно точнее обосновать их помимо прочего еще и регулярными поездками и связями с дипломатией, не должен игнорировать пожелания своей аудитории. Эти пожелания легко объяснимы, ибо в современной ситуации даже для образованного читателя газет совершенно утрачена возможность сориентироваться...” [16].

Отто Хётч был историком, способным умозрительным путем подтвердить или, наоборот, поставить под вопрос свою картину мира. Предмет своего преподавания он обязательно должен был увидеть собственными глазами. Время от времени у него возникала потребность услышать “звон колоколов московских церквей” [17]. Таким образом, его поездки были приятной формой исследования, поиском подтверждения собственных мыслей. Он использовал свои командировки в Россию, связанные с изданием документов Первой мировой войны, для прогулок по городу, посещения кино – короче, для изучения жизни.

Чем завораживала его Россия? В чем заключалось почти эротическое притяжение, заставлявшее его изучать эту страну? Конечно, неприязнь к Польше очень долго, почти до самого конца Веймарской республики, оставалась для него чем-то вроде эмоциональной и интеллектуальной константы. Эмоциональной, потому что он, как немецкий националист, глубочайшим образом идентифицировал себя с “немцами на Востоке” и не мог себе представить прусскую Германию без этой диаспоры. Потеря Германией восточных областей по Версальскому мирному договору стала для него делом совершенно немыслимым, и он долго не мог с этим смириться. Идея стратегического союза с Россией питалась ревизионистским комплексом и была нацелена на уничтожение независимой Польши. Но кроме этого чисто отрицательного импульса имелся и другой.

Возможно, продолжавшееся всю жизнь изучение эпохи Александра II, великого царя-реформатора, и начавшейся благодаря ему модернизации экономики демонстрирует нам, в чем, собственно, коренился интерес Отто Хётча к России. Он был захвачен динамикой поздней Российской империи, которую наблюдал в своих поездках, равно как и новым типом человека, “самого сделавшего себя” – а к этому типу принадлежал и он сам. Ученый верил, что будущее принадлежит новой России фабрик, предпринимателей, мастеровых, инициативы. Он был, конечно, консерватором, но не был связан со старым режимом, считая его изжитым, окаменевшим и не способным к реформам. Хётч видел главную цель в развитии страны – будь то благодаря его буржуазным друзьям-октябристам, или позже большевикам, или, еще позже, сталинской партии. Он твердо верил, что крестьянская страна еще развернется во всю мощь – неважно, с какой идеологией и с каким символом веры. Его подход к России диктовался не мировоззрением, а своего рода инстинктивно-симпатизирующим пониманием [18].

В большевизме Хётча больше интересовали его реальные возможности и перспективы, нежели идеологический проект. Он не испытывал никаких затруднений с “новым советским человеком”, точно так же как у него не было никаких трудностей с “бывшими”, которые жили в Берлине в эмиграции и относились к его ближайшему окружению. Сталинскую культурную революцию и коллективизацию Хётч отвергал, ему была глубочайшим образом отвратительна “стандартизация жилья и градостроительства как предпосылка и основа для будущей полностью механизированной общественной культуры”. Но он был очарован и захвачен “волей к жизни”, которую замечал в гиперактивности 30-х годов [19]. Ни как профессор, ни как политик Хётч не смог бы добиться реальных результатов, если бы не эта его необъяснимая готовность и способность полагаться на что-то другое, пока неизвестное. Вплоть до первых пятилеток он был уверен, что Россия пойдет путем эволюции, что она преодолет революционные эксцессы и станет развиваться как своеобразная крестьянская республика. Поражение и изгнание Троцкого, например, было в его глазах признаком отхода от революционного марксизма в сторону “нормализации”.

Хётч справлялся не только с огромными научными проектами [20], но и со своими политическими обязанностями как депутат рейхстага, как член разнообразных комиссий, а прежде всего – в руководящих органах своей Немецкой национальной народной партии (DNVP). Наряду с Максом Дельбрюком, Эрнстом Трельчем и Теодором Шиманом он относился к наиболее значительным и влиятельным

публицистам периода поздней империи и республики. С ноября 1914 года он писал по средам еженедельные политические обзоры для утреннего издания “Кройц цайтунг”, до 1924 года всего было опубликовано около пятисот статей. Он прочитывал все самые? важные иностранные газеты, в первую очередь русские [21]. Вот что пишет биограф Хётча: “Его честолюбие в стремлении играть роль политика было очень велико и вело к тому, что он переоценивал свои возможности” [22].

Позиция Хётча на пересечении науки и политики была совершенно уникальной. Начиная со времени учебы в Лейпциге он прошел через самые разные общественные прослойки, которые придавали ему силы и которым он был необходим благодаря своей довольно-таки редкой по тем временам компетенции по делам Восточной Европы. В карьере Хётча, начавшейся с весьма скромного буржуазного уровня, важную роль сначала сыграла учеба в университете у таких выдающихся преподавателей, как Ратцель и Лампрехт; затем его карьере способствовали связи, сложившиеся на базе службы в армии и тесного сотрудничества с гарнизоном в Позене. Эти последние обеспечили ему не только должность в Прусской военной академии, но и доступ в высшие военные круги: генерал Гинденбург, например, обращался к ученому за советом при написании своих мемуаров [23]. Важнейшее значение в его “пути наверх” имела активная партийная деятельность, неутомимые занятия публицистикой и выступления с лекциями и докладами в организациях, объединениях правых националистов, таких как Флотский союз, Объединение Восточных германских земель, Немецкая консервативная партия.

Приглашение Хётча на работу в Берлинский университет произошло при доброжелательной поддержке сверху, помимо факультета. И он не разочаровал своих покровителей: в течение двух десятилетий он был мощным мотором в развитии отношений с Россией и Восточной Европой, сводя друг с другом все личности и организации, которые были заинтересованы в расширении такого рода контактов. Исследовательская группа из 108 человек, откомандированная в 1912 году берлинским “Объединением по повышению квалификации в области государственных наук” в Россию, по своему составу была типичной для всех последующих инициатив Отто Хётча. В нее входили управленцы и судьи, предприниматели и ученые, журналисты и политики. Подобный состав мы обнаруживаем и в следующем году при основании “Немецкого общества по изучению России”: здесь в руководящем комитете были ведущие представители из университетов, издательств, редакций газет, члены палаты депутатов, консулы, директора концернов и один член Директории Имперского банка [24].

Мы встречаем Отто Хётча везде и всюду, где в Берлине обсуждаются русско-немецкие дела: у Аго фон Мальтцана, госсекретаря Министерства иностранных дел, на завтраках у графа Гарри Кесслера, на приемах в Советском представительстве на Унтер ден Линден, на заседаниях “Немецкого общества по изучению России” [25]. Но он входил и в состав правления “Рабочего объединения по изучению русско-советского планового хозяйства” (Арплан), где в начале 30-х годов сидели рядом друг с другом как левые, так и правые выдающиеся интеллектуалы: Эрнст Юнгер, Карл Шмит, Герман Дункер, Георг Лукач и другие [26].

Окружение ученого не ограничено идеологическими рамками, он игнорирует границы мировоззренческих и политических лагерей. Вокруг него – коллеги-

академики, например Карл Штелин, Эдуард Майер, Макс Вебер, Макс Дельбрюк, Отто Хинтце; послы в Москве – граф Брокдорф-Рантцау и Герберт фон Дирксен; главы больших концернов и основатели “Немецкого общества по изучению Восточной Европы”: Феликс Дейч из АЭГ и Герман Йозеф Абс из Немецкого банка; Хётч знаком со специалистом по изучению функций мозга Оскаром Фогтом, лечащим врачом Ленина, и с главнокомандующим рейхсвера генералом фон Зееком. В “Июньском клубе” он встречается с Эрнстом Трельчем, Георгом Бернхардом, Генрихом Брюннингом, Августом Мюллером. В то же время ученый являлся и членом Внешнеполитического комитета “Германского общества 1914 года” – этого мозгового треста Министерства иностранных дел, объединявшего на своих вечерах непроницаемый извне круг дипломатов, чиновников, профессоров, военных, предпринимателей и банкиров, всего от 50 до 100 человек, собиравшихся на Нойшtedтишен Кирхштрассе. И, наконец, дом самого Хётча был местом встреч берлинского “русско-немецкого общества”. “Его дом на Бендлерштрассе, удобно расположенный вблизи Тиргартена и правительственного квартала, повидал многих носителей громких имен. Надо упомянуть, что он сам, на гребне инфляции, как всегда в таких случаях при поддержке жены, смог устроить прием для Гинденбурга и круга избранных гостей. В 1929 году он пригласил к себе на квартиру около двадцати человек из экономических кругов и прочитал им доверительный доклад о Советском Союзе...” [27].

Журфиксы продолжались и после 1933 года, но теперь уже не в квартире на Бендлерштрассе (с которой Хётч с женой должны были съехать, так как их дом был снесен в ходе расширения Министерства обороны), а на Айнемштрассе, между площадями Лютцов и Ноллендорф. По-прежнему здесь встречались “многие духовно независимые, значительные личности, молчаливо или явно находившиеся в оппозиции к господствующему режиму... При случае Хётч рассказывал мне о знаменитом ‘обществе по средам’ и о тех докладах, которые он там слышал, – например, о выступлении генерал-полковника Бека и прусского министра финансов Попица” [28]. Как член Комитета Министерства иностранных дел, Хётч имел дело и с совершенно другими друзьями России: депутатами рейхстага от КППГ, в том числе с Вильгельмом Коененом, Паулем Фрелихом и Эрнстом Тельманом [29]. С русско-советской стороной Хётч поддерживает тесные и многосторонние контакты, причем не только со своими коллегами-историками Давидом Рязановым, Николаем Покровским, Сергеем Платоновым, но и с представителями политического и культурного истеблишмента: Георгием Чичериным, Максимом Литвиновым, Ольгой Каменевой и другими. Совершенно нормальным было видеть его на трибуне для почетных иностранных гостей на первомайском параде на Красной площади вблизи от советского руководства.

Хётч смог стать духовным лидером, “внутренним центром” немецко-российского общества в имперской столице не только благодаря своему особому честолюбию и таланту общения. Существовала потребность в такой фигуре, как Хётч, ниша, которую он заполнил своей энергией и тактическими талантами.

Синтез: немецкий тори и салонный большевик

В своей памятной записке по поводу основания “Немецкого общества по изучению России” в феврале 1913 года Хётч отметил как самую главную трудность

“необходимость сохранять во всей деятельности позицию нейтральной середины” [30]. Если сохранение такой позиции даже в обычных обстоятельствах представляется весьма трудной задачей, то из-за постоянных кризисов и напряженности эпохи мировых войн это должно было казаться почти утопией: нейтральность в эпоху радикализации и создания партий; защита середины в “эпоху крайностей”; утверждение аполитичности на пространстве сквозной политизации! Но в основе этого лежало самоутверждение буржуазной формы жизни в эпоху массовой мобилизации. Способность Отто Хётча и ему подобных защищать свой независимый образ жизни внутри окружения, становящегося все более поляризованным и радикальным, можно считать, с одной стороны, довольно точным индикатором силы той культуры, которая составляла несущую основу Веймарской республики, а с другой стороны – ярким показателем заката буржуазного мира, масштаба угрозы его существованию и темпов его разложения. Хотя Отто Хётч и был политиком, не чуждавшимся время от времени националистических тонов – стоит только вспомнить избирательные кампании в Позене до 1914 года, а также восхваления в адрес “национальной революции” сразу после 1933 года, – но его интерес к делу и способность вести диалог со всеми сторонами одновременно недвусмысленно свидетельствуют о том, что духовная и материальная независимость все же оставалась для Хётча куда важнее, чем любая партийная политика [31].

Сохранять надпартийную, но в то же время неиндифферентную позицию в его положении было непросто. Такая позиция постоянно становилась мишенью нападок, провокаций и доносов. Широкое поле деятельности Отто Хётча давало для этого более чем достаточно поводов. В дискуссии о целях войны ему ставили в вину... примиренчество и даже предательство: Хётч якобы воплощал “русскую опасность в немецком доме” – в таких выражениях с ним полемизировал в 1917 году медиевист из Тюбингена Иоганнес Халлер [32]. Пауль Рорбах, ведущий пангерманский публицист, называл его “старорусофилом” [33]; Герман Грайфе, невежественный в научном отношении “специалист по России”, обзывал его после захвата власти нацистами “подозрительным культур-большевиком”. А Адольф Эрт, председатель Антикоминтерна, в конце сентября 1935 года написал на Хётча и на “Немецкое общество по изучению Восточной Европы” донос в гестапо: “Это Общество является продуктом Ноябрьской республики и проводимой ею политики Рапалло. Оно представляет собой их последний рудимент и сегодня в принципе не имеет никаких задач и ни малейшего права на существование. В этом смысле Антикоминтерн – почти антипод этого Общества, душой которого являлся, как известно, недавно уволенный профессор Хётч” [34].

Доклады советского кинорежиссера Всеволода Пудовкина или экономиста Евгения Варги в рамках Общества подвергались нападкам как пропаганда большевистской культуры и подрыв свободного буржуазного порядка, в то время как для советской стороны бельмом на глазу оказывались поддержка русских эмигрантов и их публикации в издававшихся Отто Хётчем журналах [35]. Неделя советских и немецких историков, с огромными усилиями организованная Отто Хётчем в 1927 году, вызвала нападки как справа, так и слева, а также митинги протеста в Техническом институте в Шарлоттенбурге [36].

Это и неудивительно. Будучи немецким националистом, Отто Хётч обладал

иммунитетом против большевизма. Больше всего у него вызывало отвращение обращение большевиков со старыми элитами, с “культурным слоем”. Но, как человек с буржуазными образцами поведения и с широкими интересами, он не мог отказаться от поисков контактов с этими предельно чуждыми ему людьми, особенно если при этом можно было опираться на довоенные связи. Несомненно, это относится к контактам с секретарем Российской академии наук Сергеем Ольденбургом и с Георгием Чичериным, народным комиссаром иностранных дел. “Культур-большевизм” – кодовое слово в словаре доносчиков для такого рода открытости. Борьба против таких “культур-большевиков”, как Отто Хётч, была просто иным названием для антибуржуазной и антиинтеллектуальной ненависти и агрессивности, которые на этот раз обрушились на весьма нечасто встречающееся буржуазное самосознание в рамках политической культуры Германии: на немецкого тори.

Хётч принадлежал к небольшой группе германской буржуазии, которая не закрывала глаза на новую реальность после революции 1918 года. Новая Конституция 1918 года стала для него окончательным рубежом. Он “удивительно несентиментально, быстро и решительно встал на почву парламентской демократии. Его отношение к монархии определялось холодным реализмом” [37]. Хётч был убежден, что новый порядок сможет обрести силу только в том случае, если удастся создать его “демократическую массовую основу”, собрав в рамках Консервативной партии просвещенную и состоятельную буржуазию, а затем связать ее со старой прусской аристократией как ведущим ядром. Образцом для него была Англия. Он постоянно предостерегал своих друзей по партии, что “сегодня можно делать политику только в союзе с массами, что будущее нашего народа и в независимом государстве зависит от того, удастся ли нам объединить массы в национальное государство”. Путь к этому он видел не в националистической идеологии, а в творческих социальных реформах, в новом религиозном реализме и в создании нового органического государственного и общественного порядка, при котором все классы равноправно будут стоять на одной ступени. С таких позиций Хётч мог даже предложить критический анализ идеи Советов [38]. Это, пожалуй, и был тот путь между крайностями, между Советской Россией и антибольшевизмом, который придавал своеобразную остроту и продуктивность берлинским исследованиям России.

“Training for Russia”: Берлин как центр по изучению России

Благодаря личности и усилиям Отто Хётча, Берлину после Первой мировой войны удалось стать всемирно признанным центром по изучению России и Восточной Европы. Это, безусловно, личная заслуга ученого [39]. Его гениальность заключалась в том, что он сумел организовать в Берлине взаимодействие всех наличных научных сил и перевести их в другое агрегатное состояние. Богатство институциональных форм, в которых развивалась новая научная дисциплина, отражало богатство научного фонда, накопившегося к тому времени в Берлине. Молодой американец Джордж Ф. Кеннан, проходивший подготовку к дипломатической службе в Советском Союзе, нашел в Берлине и в столицах Прибалтийских государств все, что ему было для этого необходимо: Институт восточных языков, созданный еще во времена Бисмарка специально для подготовки

дипломатов; основанный в 1902 году Семинар восточноевропейской истории и страноведения с великолепной библиотекой и богатым фондом актуальной советской периодики; множество специальных журналов, а также превосходных профессионалов, знатоков своего дела, чьи лекции и семинары можно было посещать. Но самое главное – в городе был очень плотный и оживленный “русский контекст” [40]. Можно было брать уроки языка у русских эмигрантов, сидеть в русских ресторанчиках и кабаре, читать ежедневную русскую прессу, слушать доклады в Российском научном институте, отмечать годовые праздники в православной церкви, а заодно посещать выступления советских ансамблей и мероприятия советского посольства. Берлин был пропускным шлюзом в пошедшую ко дну старую Россию и в то же время стартовым пунктом каждой поездки в советскую современность.

Здесь соединились воедино четыре элемента. Уже до Первой мировой войны Берлин был важным центром для прибалтийских немцев, присутствие которых здесь только усилилось вследствие краха Российской империи и вытеснения их из вновь созданных Прибалтийских государств. Некоторые имена мы встречаем и в кругу славистов: например, Теодор Шиман, предшественник Хётча и русофобский комментатор “Кройц цайтунг” [41]. Сам Хётч очень высоко оценивал влияние прибалтийских немцев: “Прибалтийцы уже три десятилетия властвуют над нашими взглядами на Россию. 9/10 всех книг о России написаны ими, даже самые левые газеты имеют сотрудников из Прибалтики по делам, касающимся России. Как бы ни было велико мое сочувствие к тому, что испытывают сейчас прибалты, мне все же ясно, что гигантские проблемы Востока не могут ориентироваться исключительно на пожелания 165 000 немцев в прибалтийских провинциях” [42].

Второй неотъемлемой составляющей берлинского общества были московские и петербургские немцы, покинувшие Россию после 1914 и 1917 годов. Их тоже нельзя было не заметить, и как личностей, и в общекультурном контексте – начиная с Русской гимназии пастора Мазинга и кафе Рушо, принадлежавшее семье московских немцев Менерт, и кончая ведущими головами в Министерстве иностранных дел [43]. В окружении Отто Хётча этот элемент представлен во всей полноте: так, Артур Лютер, происходивший из семьи московских предпринимателей, был ответственным за рубрику “Литература и культура” в журнале “Восточная Европа”; нельзя не упомянуть и Клауса Менерта, который защитил диссертацию на кафедре Хётча и стал членом редакции журнала “Восточная Европа” [44].

Энергичный редактор и организатор журнала Ханс Ионас был связан с Россией иным образом: он побывал в плену. Для такого ученого, как Макс Фасмер, было почти оскорбительным то, что столь важную позицию занял человек со стороны, хотя Ионас руководил Обществом и издавал журнал с огромной изобретательностью и с большим подъемом [45].

Но никакая другая среда не была столь полезна для “империи Хётча”, как широкий круг беженцев и эмигрантов из России. Старое общество во всей полноте было представлено в Берлине. Отто Хётч пустил в ход все свои связи в прусском Министерстве культуры и в Министерстве иностранных дел, чтобы дать возможность группе российских ученых открыть в Берлине Русский научный институт. Он был единственным немцем, представленным в правлении Института. В

течение нескольких лет ученые этого Института – историки, литературоведы, философы, социологи – составляли интеллектуальное ядро “другой России” в Берлине [46]. Но из-за приглашений чешского правительства и предложений со стороны американских университетов ряды сотрудников вскоре заметно поредели, и престиж Института снижался по мере его кадрового и интеллектуального истощения в начале 30-х годов.

Однако в Берлине была хорошо представлена и Советская Россия: город служил воротами в мир капитализма, и гости из Советской России регулярно его посещали. Нигде нельзя было с такой легкостью встретить советских политиков, ученых, литераторов во времена, когда еще царил невероятный дефицит информации о чуждой большевистской империи [47]. Все это не вышло бы за пределы кружка заинтересованных интеллектуалов, не оказался Хётч человеком с организационными, дипломатическими, экономическими и социальными талантами. Этот ученый принадлежал одновременно и к вильгельмовскому, и к веймарскому истеблишменту, и если уж он что-то затевал, то его затея имела все шансы получить финансовую поддержку и институциональные формы. Для Хётча всегда были открыты двери Министерства иностранных дел, особенно его Российского отдела. У него были превосходные связи с важнейшими научными и культурными учреждениями – с Министерством культуры Пруссии, Союзом самопомощи немецких ученых, Обществом императора Вильгельма. Он хорошо знал блестящих представителей этих учреждений: Фридриха Альтхофа, Фридриха Шмидт-Отто, Вильгельма Вестфала и Карла Генриха Беккера. Хётч был лично знаком со всеми ведущими представителями фирм, имевших деловые интересы в России и в качестве корпоративных членов поддерживавших “Немецкое общество по изучению Восточной Европы”, – от Феликса Дейча до Отто Вольфа.

Берлин смог стать центром по изучению Восточной Европы для целого поколения ученых только благодаря тому, что существовали перечисленные силы и что вследствие уникального стечения обстоятельств плоды интенсивного и динамичного обмена в период до Первой мировой войны объединились с плодами изучения послереволюционной России. А подобные научные занятия в Берлине в период с 1918 по 1933 год проводились на высоте своего времени. Здесь можно было получить знания и о русском Средневековье, и об отношениях земельной собственности в XIX веке, и о плановом хозяйстве, деятельности Народного комиссариата финансов, советской архитектуре или семейной политике [48]. Издававшийся Хётчем журнал “Восточная Европа”, первый номер которого появился после долгой подготовки в 1925 году, продолжал выходить до 1934 года. На протяжении длительного времени он оставался не только в Германии, но и вообще за пределами Советского Союза единственным изданием, дававшим всеобъемлющую, регулярную и солидную информацию о России. Невзирая на небольшой тираж, в 1935 году составивший ровно 850 экземпляров, влияние публикаций было весьма значительным, ибо этот журнал изучали во всех важных учреждениях: в разведслужбах, посольствах, министерствах иностранных дел, союзах предпринимателей. “Восточную Европу” получали даже в СССР – в 1932 году там было шестьдесят подписчиков [49].

Демонтаж созданного Отто Хётчем предприятия “Восточная Европа и Россия”, объединявшего научные, публицистические, издательские и организационные

задачи, произошел очень быстро. Это была не просто человеческая трагедия, но и катастрофа в истории немецкой науки. После 1933 года у Хётча, “человека Ноябрьской революции”, не было шансов. Внешне вначале сохранялась во многих отношениях удивительная преемственность. После выхода на пенсию Карла Штелина Отто Хётч занял его место руководителя Семинара восточноевропейской истории и страноведения в Берлинском университете. В 1933 и 1934 годах он успел еще побывать в Советском Союзе, часть времени совместно с Карлом Менертом, чтобы продолжить работу над публикацией документов (один из томов вышел даже в 1941 году!). Но и рутинной научной деятельности были поставлены границы. Новая власть выдвигала новые требования к изучению России, и наготове уже имелись люди, притязавшие на то, чтобы сказать свое слово в данной области [50].

Прошло всего два года, и 14 мая 1935 года Хётч получил официальное уведомление о своем увольнении из университета со ссылкой на параграф 6 Закона о восстановлении статуса государственных чиновников [51]. Этому предшествовала травля, организованная преподавателями-нацистами: они обвиняли Хётча в том, что он якобы является представителем “либерального изучения России”, а это течение служит инструментом просоветской политики. Хётч, по их словам, “широко открыл двери немецкому салон-большевизму, культур-большевизму и национал-большевизму”. Руководимое им в течение многих лет “Немецкое общество по изучению Восточной Европы” подвергалось нападкам как “гнездо и сборный пункт всех жидо-масонско-либеральных дружков Советского Союза и салонных большевиков” [52]. Научно “наивное” и объективистское изучение России, опасное в политическом отношении, должно было уступить место “воинствующей науке”, трактующей Россию и Советский Союз в системе координат национал-социалистской расовой теории.

Повинуясь страху и будучи по сути соглашателем, Хётч вступил в национал-социалистский Союз учителей и попытался уйти от преследований, услужливо опубликовав свои работы по “национальной революции”. Но принудительное увольнение на пенсию показало, что власти не довольствуются чисто словесными уступками. За отставкой и неудачной попыткой получить гостевую профессию в Америке последовало удаление ученого с постов руководителя “Немецкого общества по изучению Восточной Европы” и издателя журнала “Восточная Европа”.

Уходом Хётча во внутреннюю эмиграцию исследованиям Восточной Европы в Берлине был нанесен удар в сердце и в голову. У его учеников и коллег вскоре не осталось возможности для работы, а затем – и для жизни: Абраму Хеллеру не позволили защитить диссертацию; Миша Горлин, Раиса Блох и другие сотрудники журнала “Восточная Европа” вынуждены были покинуть Берлин. После падения Парижа они попали в руки гестапо и погибли в Освенциме [53]. Еще один ученик Хётча, Вольфганг Леппманн, в годы войны ушел в берлинское подполье, но был схвачен и тоже погиб в Освенциме [54].

О контактах с советскими экспертами и сотрудниками после 1933 года не могло быть и речи. Сотрудников посольства и советских граждан в Берлине на каждом шагу преследовали, сотрудничество с ними было сопряжено с риском. В результате отпал чрезвычайно важный и уникальный для Берлина доступ к информации из первых рук, в журнале “Восточная Европа” не печатали больше советских авторов

[55].

Круг русских эмигрантов распался. В Берлине остались воинствующие антикоммунисты и те, кто не мог просто так отказаться от своего общественного положения. Закат Русского научного института был очевиден, постепенно он превращался в своего рода предшественника Института Антикоминтерна [56].

Заниматься научной работой теперь можно было только в областях, столь далеких от современности, что они с трудом подвергались идеологизации и политизации. Специалисты, занимавшиеся актуальными проблемами Советского Союза, оказались в опасности и должны были бороться с искушением быть втянутыми в восточную политику национал-социалистского режима. Руководство Берлинским институтом Восточной Европы перешло к историку Гансу Юберсбергеру, который был родом из Вены; в “Немецком обществе по изучению Восточной Европы” и в журнале утвердился член НСДАП, молодой Вернер Маркерт [57]. В 1939 году журнал прекратил свое существование.

Тяжелым испытанием для немецких специалистов по России и Восточной Европе стали захват Польши и нападение на Советский Союз: теперь им пришлось отдать свои знания на службу войне и оккупационному режиму. В аппарате немецкого управления на Востоке мы встречаем многие известные имена – например, специалиста по аграрным вопросам Отто Шиллера, эксперта по России Отто Аухагена, тюрколога фон Менде и специалиста по татарам Бертольда Шпулера [58].

Язык артиллерийских орудий не нуждался в дифференцированном, сложном и тонком научном инструментарии. Изучение России погрузилось во внутреннюю эмиграцию (случай Отто Хётча), было вытеснено в реальную эмиграцию (случай Левинсона и Эпстайна) или же стало орудием в руках национал-социалистской восточной политики (примером чего является использование восточноевропейских экспертов во время войны). Дело всей жизни Отто Хётча было уничтожено, центр научных знаний стерт с карты науки.

Последнее поражение Отто Хётча

После освобождения Берлина, почти в семидесятилетнем возрасте, Хётч вернулся туда, где прошли самые продуктивные годы его деятельности. За оставшийся последний год до смерти он написал учебное пособие по русской истории и проект включения восточноевропейской истории во всеобщую историю Европы. Советские войска стояли в центре Берлина. Россия превратилась из крупной державы в сверхдержаву, ее взлет полностью изменил политическую карту. Начиная с этого времени европейская история без истории Восточной Европы теряла всякий смысл. Можно предположить, что только эта перспектива смогла вдохновить тяжело больного старика на огромные усилия.

Однако такие надежды существовали недолго: в короткий “промежуточный период”, когда старый порядок был наконец повержен, а новый пока еще не сформировался. Но в скором времени этот новый порядок уже обрел свои контуры, свидетельством чему стали раздел мира, Европа после Ялты, “холодная война” между капитализмом и социализмом, между Европой и большевизмом, между Западом и Востоком. Едва

высказанные идеи Хётча об интеграции европейской истории вновь оказались несозвучными времени. Единая история Европы, которую он мыслил, опять разделилась на восточно- и западноевропейскую историю. За кратковременным периодом открытости вновь последовало полстолетия отчуждения и взаимной изоляции. Изучение России превратилось в “советологию” (“Soviet Studies”). Ее центром был уже не разрушенный Берлин, а благословенный мир Гарварда.

В разделенном мире складываются формы мышления по альтернативному принципу “или-или”. Историческое место, где когда-то пытались мыслить по принципу “как... так и...”, погибло. Берлин, когда-то давший пристанище немецко-российскому обществу, стал лабораторией раскола, поляризации, возведения лагерей. Научное сообщество Берлина, где некогда смешались друг с другом “чистые” и “нечистые”, теперь было опять расколото. Россия отодвинулась далеко-далеко, и на Западе опять возникла мода на “европейские ценности” – как защитная идеология континента, получившего удар в самое сердце. Многие из того, над чем Хётч работал всю свою жизнь – углубление знаний о России, расширение преподавания русского языка, – стало кошмарной реальностью в ГДР, с принудительным изучением русского и столь же принудительным участием в Обществе германо-советской дружбы.

Так что и последняя большая инициатива Хётча закончилась поражением: в тот момент, когда он сформулировал свои идеи об общей европейской истории, над Европой на полстолетия опустился “железный занавес”. “Как ученику Карла Лампрехта, Густава Шмоллера и Отто Хинтце, мне представляется что-то вроде историко-социологического метода... Как цель перед глазами маячит сравнительная экономическая, правовая и конституционная история Восточной Европы в сравнении с Западом, благодаря чему происходит органическое включение восточноевропейской истории в историю Европы...” [59]. Разработанный Хётчем проект интегративной и сравнительной истории в ближайшие десятилетия не имел шансов на осуществление. Но окончание раздела Европы совершенно неожиданно придало новую актуальность его программе 1946 года.

Footnotes

1. цит. bei Gerd Voigt, *Otto Hoetzsch 1876-1946. Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers*, Berlin 1978, С. 275; формулировка “Рукопись А-II” содержится в письме к послу а.Д. Герберту фон Дирскену от 1 марта 1941 г., см.: Gerd Voigt, *Russland in der deutschen Geschichtsschreibung 1843-1945*, Berlin 1994, С. 396.
2. цит. in Christoph Mick, *Sowjetische Propaganda, Funfjahrplan und deutsche Russlandpolitik 1928-1932*, Stuttgart 1995, С. 445.
3. Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 192.
4. George F. Kennan, *Memoirs 1925-1950*, New York 1967, С. 24ff.
5. Об историке С. Ф. Платонове сравн. *Академическое дело 1929-1931 гг.*, Санкт-Петербург, 1993; о Давиде Рязанове, Евгении Тарле и “академической афере” сравн. Ирина Арефьева (Ред), *Трагические судьбы. Репрессированные учёные Академии*

Наук СССР, Москва 1995.

6. Жизни и творчеству Отто Хётча посвящены две впечатляющих работы -- из Восточной и из Западной Германии: Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit.; и Uwe Liskowski, *Osteuropaforschung und Politik. Ein Beitrag zum historisch-politischen Denken und Wirken von Otto Hoetzsch*, 2 Bde., Berlin 1988. Каждая из этих двух работ имеет свои преимущества -- Фойгт обращается главным образом к единству жизни и творчества Отто Хётча, Лешковского больше интересуют аспекты истории науки. По разным причинам я больше склоняюсь к версии Герда Фойгта.

7. Текст доклада Хётча, отрывки из которого были зачитаны на конференции историков в Берлине 21 мая 1946 года, документ 20, в книге: Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 340--350.

8. *ibid.*, С. 343.

9. *ibid.*, С. 345.

10. *ibid.*, С. 348.

11. *ibid.*, С. 310.

12. *ibid.*, С. 112; о контактах в тридцатых годах см. William E. Dodd, *Diplomat auf heissem Boden*, Berlin 1962, С. 42 и 337.

13. цит. in Liskowski, *Osteuropaforschung*, op.cit., С. 541.

14. цит. in Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 34.

15. цит. *ibid.*, С. 51.

16. Это высказывание сделано осенью 1911 года, цит. *ibid.*, С. 34.

17. Письмо Хётча накануне его поездки в Москву, адресованное Брокдорфу-Рантцау от 28 июня 1923 года, цит. in Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 319.

18. Замечание Хётча о бывшем прусском министре культуры Фридрихе Шмитт-Отто можно отнести и к нему самому: "У него было чувство инстинктивного понимания русского мира. Это либо есть, либо нет. И тому, у кого этого нет, лучше не заниматься славянскими делами", цит. in Voigt, *Otto Hoetzsch*, С. 138.

19. *ibid.*, С. 227.

20. Неполный список трудов Хётча содержит более 1200 наименований, см. Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 351ff.; Liskowski, *Osteuropaforschung*, op.cit., С. 577ff.

21. Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 73.

22. *ibid.*, С. 137.

23. Hans von Heppe, *Erinnerungen an Otto Hoetzsch*, in: *Osteuropa* 25 (1975), С. 629; Wilhelm von Pochhammer, *Mein Nachbar Hoetzsch*, in: *Osteuropa* 25 (1975), С. 631f.
24. Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 67.
25. Wipert von Blucher, *Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede*, Wiesbaden 1951, С. 95; Helmut Weidmuller, *Die Berliner Gesellschaft wahrend der Weimarer Republik*, Disc., Berlin 1956, С. 71; Harry Graf Kessler, *Tagebucher 1918-1937*, hrsg. von Wolfgang Pfeiffer-Belli, Frankfurt/M. 1961, С. 345 und 358; Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 67.
26. Об Арплане см. Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 250; Mick, *Sowjetische Propaganda*, op.cit., С. 238; Klaus Mehnert, *Memorandum uber die "Arbeitsgemeinschaft zum Studium der sowjetrussischen Planwirtschaft"*, 8. 1. 1932, in: Voigt, *Russland*, op.cit., С. 381.
27. Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 155.
28. Heppe, *Erinnerungen*, op.cit., С. 629f. см. также Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 270. Секретарём в Комитете по иностранным делам был в течение некоторого времени молодой дипломат Ханс-Берндт фон Хефтен, который стал позже вместе с графом Хельмутом фон Мольтке одним из руководителей кружка Крайзау. Хётч и фон Хефтен долгие годы работали вместе; *ibid.*, С. 128.
29. Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 137.
30. Документ 2, *ibid.*, С. 307.
31. сравн. Предисловие с благодарностью "Вождю национального подъёма" в книге: Otto Hoetzsch, *Osteuropa und Deutscher Osten. Kleine Schriften zu ihrer Entstehung*, Konigsberg -- Berlin, 1934, С. XI.
32. siehe Liszkowski, *Osteuropaforschung*, op.cit., С. 176ff.
33. Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 98.
34. Документ 18, *ibid.*, С. 340.
35. Документ 14: письмо Германского Союза по защите западной культуры к Шмитт-Отт, *ibid.*, С. 334f.
36. *ibid.*, С. 240ff.; см. также Lutz-Dieter Berendt, *Die sowjetische "Historikerwoche" 1928 in Berlin*, in: Heinz Sanke (Hg.), *Deutschland -- Sowjetunion. Aus funf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit*, Berlin 1966, С. 201--208.
37. Liszkowski, *Osteuropaforschung*, op.cit., С. 200.
38. *ibid.*, С. 201 und 206.

39. О Берлинском университете см. Othmar Feyl, *Die Universitat Berlin und das ostliche Europa zwischen 1890 und 1933. Eine kontaktgeschichtliche Studie*, in: *Ost-West-Begegnung in Osterreich. Festschrift fur E. Winter*, Wien -- Koln -- Graz 1976, С. 51--71.
40. О возникновении немецкой славистики, помимо работ Фойгта и Лишковски, см.: Gabriele Camphausen, *Die wissenschaftliche historische Russlandforschung in Deutschland 1892-1933*, in: *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte* 42 (1989), С. 7--108; Gerhard Volmer, *Die deutsche Forschung zu Osteuropa und zum osteuropaischen Judentum in den Jahren 1933 bis 1945*, in: *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte* 42 (1989), С. 109--214; Michael Burleigh, *Germany turns Eastwardc. A Study of Ostforschung in the Third Reich*, Cambridge 1988.
41. Klaus Meyer, *Theodor Schiemann als politischer Publizist*, Frankfurt/M. -- Hamburg 1956.
42. Документ 3: письмо Хётча графу Куно фон Вестарп, от 21. 1. 1915, в: Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 313.
43. сравн. главу "Санкт Петербург на Виттенбергплатц" в данной книге; о русском Отделе в Министерстве иностранных дел см.: Ingmar Sutterlin, *Die "Russische Abteilung" des Auswartigen Amtes in der Weimarer Republik*, Berlin 1994.
44. Исследование чрезвычайно важной роли переводчиков, происходивших по большей части из немецко-русско-еврейской среды -- Артура Лютера, Элиаса Гурвича, Александра Элиасберга, Вальтера Грогера -- это пока ещё дело будущего.
45. Документ 11: письмо профессора Васмера заведующему Отделом министерства Рихтеру от 11. 12. 1928, in: Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 328ff.
46. Об отягощённой конфликтами истории Русского научного института см.:Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 179f.
47. О советских авторах и сотрудниках журнала "Osteuropa" сравн.: Jutta Unser, "Osteuropa". *Biographie einer Zeitschrift*, in: *Osteuropa* 25 (1975), С. 555 bis 602.
48. Kennan, *Memoirs*, op.cit.
49. Данные см. в работах: Voigt, *Otto Hoetzsch*, op.cit., С. 187f.; Fritz T. Epstein, *Otto Hoetzsch und sein "Osteuropa" 1925-1930*, in: *Osteuropa* 25 (1975), С. 541--553. Хётч был, кроме того, ещё и соиздателем журнала "Zeitschrift fur osteuropaische Geschichte", выходившего в периоды с 1911 по 1914, а также с 1931 по 1935 годы.
50. Программное значение для темы "новая ориентация" имеет работа: Werner Markert, *Das Studium Osteuropas als wissenschaftliche und politische Aufgabe*, in: *Osteuropa* 9, (1933/1934), С. 395 bis 401.
51. Gabriele Camphausen, *Die wissenschaftliche historische Russlandforschung im Dritten Reich 1933-1945*, Frankfurt/M. 1990, С. 20.

52. цит. *ibid.*, С. 29f. Как показатель уровня нацистской славистики характерна работа: Hermann Greife, *Sowjetforschung. Versuch einer nationalsozialistischen Grundlegung der Erforschung des Marxismus und der Sowjetunion*, Berlin -- Leipzig 1936.
53. О судьбе Михаила Горлина и Раисы Блок см. *Памяти ушедших. Воспоминания Евгения Каннак о поэтах Михаиле Горлине и Раисе Блок*, в книге: Михаил Пархомовский (Ред.), *Евреи в культуре русского зарубежья*, т. 1, 1919-1939 гг., Иерусалим 1992, с. 242--263.
54. Klaus Mehnert, *Ein Deutscher in der Welt*, Stuttgart 1981 С. 212; Вольфганг Леппман является автором важного библиографического исследования: Wolfgang Leppmann, *Die russische Geschichtswissenschaft in der Emigration*, in: *Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte* 5 (1931), С. 215--248.
55. Статистику авторов в период до и после 1933 года см. в статье Унзера: Unser, *"Osteuropa"*, *op.cit.*, С. 555--602.
56. Voigt, *Otto Hoetzsch*, *op.cit.*, С. 264.
57. О "востоковедении" в Третьем рейхе см. Werner Philipp, *Nationalsozialismus und Ostwissenschaften*, in: *Nationalsozialismus und die deutsche Universität. Universitätstage 1966*, Berlin 1966, С. 43--62.
58. см. Voigt, *Russland*, *op.cit.*, Kapitel 14. (Лица и доклады в период с 1933 по 1941 годы, С. 234ff.; Alexander Dallin, *Deutsche Herrschaft in Russland 1941-1945. Eine Studie über Besatzungspolitik*, Dusseldorf 1958.
59. Документ 20: Die Eingliederung der osteuropäischen Geschichte in die Gesamtgeschichte nach Konzeption, Forschung und Lehre (Включение восточноевропейской истории во всеобщую историю по концепции, исследованиям и преподаванию), in: Voigt, *Otto Hoetzsch*, *op.cit.*, С. 34.

Published 14 March 2006

Original in **German**

Translation by **Larissa Lissjutkina**

First published in **Karl Schlogel: Berlin, Vostocnyj vokzal. Russkaja emigracija v Germanii mezdu dvumja vojnamy (1918-1945)**, Moskva: **Novoe Literaturnoe Obozrenie 2005**

Downloaded from eurozine.com (<https://www.eurozine.com/%d0%be-%d1%82%d1%89%d0%b5%d1%82%d0%b5-%d0%bf%d1%80%d0%be%d1%84%d0%b5%d1%81%d1%81%d0%be%d1%80%d1%81%d0%ba%d0%be%d0%b9-%d0%b6%d0%b8%d0%b7%d0%bd%d0%b8/>)

© Karl Schlogel/Novoe Literaturnoe Obozrenie Eurozine